

Неоспорим вклад Микуля (Ивана Ивановича) Шульгина в развитие художественной словесности народов Севера. Его творчество – самобытное явление национальной культуры не только народа ханты.

Общение с ленинградскими поэтами во время учебы на северном факультете пединститута имени Герцена сказалось на его творчестве плодотворно: на его стихи обратили внимание, дали положительные отзывы.

Микуль навсегда запомнил одно решающее событие в своей жизни. Он уже публиковал свои стихи, когда оно случилось. В марте 1961-го в Доме творчества Комарово под Ленинградом состоялась Первая Всероссийская конференция литераторов народностей Севера и Дальнего Востока, в которой приняли участие посланцы из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

По итогам встречи были отобраны стихи в сборник. Его в 1961 году выпускает Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» под названием «Север поет». В литературу входило новое послевоенное поколение.

Поэзия Микуля – доверчивая, своей чистотой она напоминает прозрачность рек и озер, в окружении которых он провел детство и часть юности. Её ритм будто градины во время грозы стучат по крыше, а слова ненавязчиво, но твердо ведут за собой вперед мысли и чувства северного человека.

Кто-то, возможно, сегодня упрекнет самобытного художника: мол, слишком уж громко звучат в его стихах звуки пил и стук топоров, участвующих в возведении новых жилых домов, школ и больниц, клубов и библиотек. Но это дух времени «шестидесятников», несравнимый с наступившим затишьем 1990-х годов.

Но при этом в стихах Микуля Шульгина звучит мысль, созвучная многим произведениям национальных авторов: надо чтить свои традиции и не поддаваться никаким соблазнам, ибо мать-природа не простит насилия над собой. Микуль не кричал об этом во весь голос, впрочем, как и большинство художников 1960–1970-х годов, но касался этой проблемы мягко, со свойственной ему интеллигентностью.

В одном из ранних стихотворений «Дождь прошёл...» он описывает прозрачное небо, обозначив его как «дно». По хантыйским представлениям, это нижняя граница небесного царства. Земля, омытая небесным дождем, тоже священна и богата своими дарами. Поэт находит замечательное сравнение: будто жир, вода лоснится!

Он находит еще одно доказательство своего почтительного отношения к сакральной тверди: на неё садятся птицы...

Птицы – небесные странники и посланники в мифологиях многих народов, и хантыйские сказы не обходятся без них.

Лирического героя охватывает восхищение от этого очищенного, омытого дождём мира, гармонично вобравшего в себя небо и землю накануне его весеннего возрождения. Однако художник пытается финальными строками перевести свои эмоции в иную, чуть ироничную тональность:

*Вдаль скользить на лодке мне бы –
Да боюсь: сломаю небо!*

Это не просто шутливое отношение лирического героя к себе – это добрый совет человечеству: неустройство на земле, нарушение традиционного порядка человеком «сломает» небо...

Наталья Грудина, замечательный поэт и переводчик стихов северных народов СССР, потомственная петербурженка, ветеран литературного дела в культурной столице, многоопытная наставница молодежи, весьма уважаемая и почитаемая в Ленинграде за свои фронтовые заслуги, очень любила это стихотворение, считая его шедевром. Спустя два десятилетия она читала его наизусть любителям поэзии, пропагандируя тем самым творчество талантливого автора.

Дождь прошёл / Светло весною, / Полон вечер тишиною. / Ветра словно не бывало, / Небо дном прозрачным стало. / Будто жир, / Вода лоснится, / На неё садятся птицы... / Вдаль скользить на лодке мне бы – / Да боюсь: сломаю небо!

22 марта 1971 года Микуля Шульгина приняли в Союз писателей СССР. Вспоминая то время, один из руководителей Тюменской писательской организации, которой ныне исполняется 60 лет, Николай Денисов вспоминал: «Надо сказать, в Союз писателей тогда принимали очень строго: например, с 1970 по 1975 год было принято только четверо...»

В 1975 году выходит главная книга – «Благодарность» – первая на русском языке.

Журналист из районной газеты «Путь к коммунизму» А. Белый отозвался на это событие в культурной жизни округа рецензией, где особо подчеркивал: стихи вызывают глубокие раздумья. «Источником творчества поэта стала жизнь родного народа, неповторимая прелесть северной природы». А еще, отмечал автор, поэт написал о людях, разбудивших тайгу, о новых профессиях сурового края.

Заканчивал рецензент свой отзыв такими словами: «В стихотворениях Микуля Шульгина – размышления о своем месте в жизни, о людях, чьим трудом создается все прекрасное, о человеке-созидателе».

В окружной газете «Ленинская правда» тоже был опубликован отклик за подписью сотрудника редакции В. Андросенко: «Благодарность – вот чувство автора ко всем тем, кто пробудил далекий северный край, кто помог его народу занять равноправное место в братской семье народов Советского Союза, – такое мнение складывается по прочтении книги. И еще – безграничная любовь к родной земле, выросившей его, давшей ему творческие силы, привившей ему понятие о том, что поэт силен соками земли, его породившей». Журналист подчеркивал глубокий лиризм строк о красотах древней Югры, о ее тайге и величественной Оби.

Советский художник не был застрахован от социального заказа в эпоху царившего в художественной словесности социалистического реализма. Однако Микуль в своей поэме «Макар Осьмаров», которую он вынашивал в сердце долгие годы, был искренен настолько, что читатели не почувствовали какой-либо искусственности или деланности этого произведения.

В поэме запечатлен образ советского положительного героя-северянина, охотника-ханты. Да, в его изображении прослеживается традиция социалистического реализма, но вспомним, когда, собственно, и создавалось это произведение – в «оттепельную» пору. Поэтому нельзя винить мастера в том, что он жил, идеологически соответствуя своему времени!

В прорисовке образа Макара Осьмарова ощутима не просто причастность к советской классике, а к лучшим ее образцам. Это не только «художественный» герой, но и «документальный». В нем прослеживаются черты отца автора поэмы – Ивана Филипповича Шульгина.

В поэме немало поэтических находок, замечательных сравнений, метафор и примечательной художественной образности. Замечательное видение с первых строк поэмы возникает перед читателями:

*Накинет елка снежный капюшон,
Застыв, как в белой малице невеста...*

А еще через несколько строк другой образ:

*А утром солнца воспаленный глаз
Мигнет, что время, что пора охоты...*

Сразу же как вживую представляется образ человека, по которому поэт прошелся столь иронично:

*На нарте же приказчик с винной фляжкой
Закутан в десять малиц, как кочан.*

Или вот еще один отрицательный персонаж, которому дается меткая характеристика: «глыба с глазками купца».

В поэме в состоянии безнадежности жителей северного края погружает фраза «Среди лесов, объятых волчьим воем...»

Разве можно не восхищаться такими поэтическими сравнениями: «А солнце землю копьями кололо...»; «Тайга смыкалась, темная, как пасть...»; «Враг словно волк среди оленьих троп...»; «А счастье потеплей бобровой шубы»; «Макар шутил, облеплен чешуей: она – как на уряднике медали»?

«Светлый путь» своего народа поэт никогда не связывал с насилием над природой. Поэтическое слово рождалось именно на этой почве и, как бы ни пыталось его упростить «партийное» литературоведение, оно покоряло своей национальной неповторимостью мировое культурное сообщество.

У Микуля как художника проникновение в суть жизни своего народа поистине удивительное. Как тонко он использует языковые богатства, мотивы и ритмы из устного поэтического творчества своих предков в стихотворении «Язык». Какой могучий сплав традиций с воззрениями сегодняшнего дня!

Выросший на берегу реки, особое место в своем творчестве поэт отводил воде как стихии.

Автор прибегает к поэтическим формулам, которые реализуются в тексте в виде простых и сложных метафорических оборотов: «блики солнца, словно бы звезды»; «как огонь, голубые цветы»; «у Великой и Вечной Воды». Обь очеловечивается, как и все, что связано с нею: «паруса режут звонкий воздух»; «галдят перелетные птицы»; «рыбацкие лодки и сноровка идут, и ходко»; теплоходы – «гости издалека»; Обь-река – «работячая».

Особое внимание хочется обратить на поучительность поэтических фраз, которые связаны с народной педагогикой, когда речь заходит о священной речной стихии:

*Ты учишь у воды
Перемалывать лед.*

Не случайно поэт предупреждает читателей в первых строчках стихотворения об особом свойстве реки:

*Горсть воды тяжела,
Как ружейная дробь.*

Это больше чем сравнение. Здесь подразумевается магическое воздействие воды на человека – убеждение народа, истоки которого можно обнаружить в седой древности.

Благодаря метафорам-«архетипам» поэт формирует свое представление о мироздании, где образу реки отводится одна из главных ролей. Река – сакральное место для хантыйского народа: она источник жизни, кормилица. А кроме того, метафора времени, соединение двух берегов – прошлого и настоящего, символ границы.

С образом реки у Микуля Шульгина зачастую соседствуют другие «вечные» архетипические образы.

Река связана с движением.

Этот образ может ассоциироваться с различными чувствами, например, мощью – «Слышу всплеск Оби могучей» («Медовая Обь»). Движение реки связано с движением времени, которое меняет течение «полудиких приобских вод».

Облик земли, которую воспеваает художник, невозможно представить без речного образа, характеризующего родной край. Река у Микуля имеет неповторимый национальный колорит, связанный с легендами и преданиями, следовательно, соединяет с людьми, живущими на ее берегах. Поэтому в поэзии водная стихия и народ представляют собой единение Природы как источника непрерывности бытия. Человек и река – творцы жизни, они как бы вырастают друг в друга и совершают свою историю в мире. Обь для Микуля – не только колыбель его народа, но и олицетворение силы и красоты, святости и гордости. Образу великой сибирской реки свойственна философская глубина. С одной стороны, он пронизан тонким лиризмом, с другой – это символ величия и красоты жизни, её вечности и текучести.

Интересны в поэзии Микуля и другие образы: например, изображение солнца в стихотворении «Лесорубы»:

*Теплое золото солнца
Стекает с крутых небес.*

Свет и тепло практически всегда выступают в связке с этим образом.

У поэта немало многокрасочных сравнений:

*Шпалы стройно ложатся, как строки
Всенародной этой поэмы.
(Ивдель – Обь).*

В стихотворении «Газ геологи открыли» для того, чтобы показать «глубину» древности, поэту мало показать внешние признаки, он прибегает к «мифологическому» сравнению:

*К старику мы заспешили,
Он – как ягель седоватый,
Он, в народе говорили,
Дочку Меншикова сватал.*

У любого народа есть свои первозданные праобразы. Например, кедр ханты часто рассматривают как воплощение мирового древа, а образ костра – как выражение единства человека и природы. Подобные образы включены как символы в систему запретов и норм, как часть целостного мировоззрения ханты. Русская классика помогла Микулю-художнику продвинуться как можно дальше в поэзии: он стал задумываться об особенностях человеческого духа.

По хантыйскому поверью, люди и огонь домашнего очага неотделимы друг от друга, поэтому важно не только почитать, но и прислушиваться к голосу огня, чтобы понимать друг друга.

В стихотворении «Костер в тайге» вокруг центрального понятия выстраивается система образов, имеющих особое значение в культуре народа ханты. Костёр как эмблема новой жизни, рассеивающей прежний «зыбкий мрак». Поэт связывает будущее с развитием Советского Союза, единой и дружной семьёй народов. Эту мысль подчеркивают строчки, столь характерные для «просветительского» образа костра:

*Поднимайся к небу,
Словно красный флаг!*

Однако авторское проникновение гораздо глубже: для поэта понятие «костер» выступает не просто в значении определенного символа, это в большей степени приближение к архетипическому пониманию, такому, как борьба света с тьмой, противостояние космоса и хаоса. Образ костра в этом значении таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро. Костер, разведенный человеком в тайге, рассеивает разрушительные силы, что таятся во враждебной неизвестности ночи, это организованное действие, неподчинение неуправляемой стихии, если не утратить над огнем контроль. А еще это напоминание о домашнем уюте, теплой печке. Архетип «дома» противостоит образу тайги, чащобы, леса – дремучести, наполненной демоническими тайнами, враждебными мифологическими силами.

Костер – граница «нашего», «своего», безопасного, гармонично организованного. По ту ее сторону – чужое, враждебное, хаотическое пространство, спрятанное во тьме. Костер выступает в роли сакрального центра, уберегающего человека. Этому языческому представлению о спасительной роли света и огня придет со временем понимание других значений – алтаря, храма, горящей восковой свечи.

Архетипические мотивы связаны у Микуля не только с лесом (где зачастую оппозиция – дом), но и со стихиями мироздания – небом, солнцем, звездами, землей, водой и огнём в том числе.

Поэт пытается противопоставить своего героя бессознательной природе архетипа, корни которого – в архаичном представлении мира. Но нелегко дается в творчестве Микуля Шульгина «переступление порога», ибо это отказ от сакрального во имя «профанного». «Тундровый» человек, так и не ставший «городским» жителем, он в поэзии следует традициям и обычаям, принятым у его народа: почитает лесных и речных божеств, достойно принимая их гостеприимство, и ведет себя так, чтобы не нарушить законов природы: брать столько, сколько следует для пропитания, не устраивать хаос после себя, не нарушать тишину и покой природы. Но жить в ладу с божественными существами, отвечающими за порядок в ту пору освоения природных богатств на Севере, было не просто, а порою и невозможно! Микуль пытается найти компромисс.

1990-е годы стали переломными в творчестве национальных художников. Сменилась власть, и сменилось отношение к художникам слова. Однако по-прежнему этническое и общечеловеческое не только тесно соприкасалось в творчестве Микуля Шульгина, но и взаимодействовало друг с другом, ускоренно развиваясь. Поэт не изменял себе. Его лирический герой – советский человек, северянин, представляющий хантыйский народ в период 1960–1980-х годов. Микуль подчеркивает его стремление жить наиболее полно и ярко, не теряя уважения к себе. Суровые условия Севера требуют напряжения сил, решительных и самостоятельных действий.

Трудно человеку быть одному тогда, когда твой талант стал не востребуемым. Время перемен не стало временем Микуля. Он принадлежал к поколению мальчишек, которые с малых лет познали, что за боль и

горечь несет война. Из её пекла сумел вернуться его отец, но так повезло немногим его односельчанам...

Как же он мог отречься от той Родины, за которую проливал кровь родной и близкий ему человек? Нет, он не мог поменять убеждения и мировоззрение... Но в наступившую пору ему как творцу приходилось нелегко, ибо пришлось писать практически в пустоту, когда все «советское и социалистическое» становилось «не форматом». Писать про трудовые достижения страны стало дурным тоном. Предпочтение отдавалось пиару и рекламе. Микуль как человек старой закваски не мог принять этого.

Наступила настоящая трагедия для многих художников слова, когда они, с высоким уровнем грамотности и отточенным профессионализмом, вынуждены были замолчать... Быть грамотным, начитанным, знать родной язык – все это теперь не стало первоочередной задачей для новых подрастающих поколений...

А самим писателям было отказано в материальной поддержке от государства. Они остались наедине со своими творческими способностями и болезненно обостренным восприятием мира. В творческой среде наступили не лучшие времена – расталкивание локтями, вражда, интриги, недоверие, зависть и травля... Талант и профессионализм уже не брались в расчет... Редела и читательская аудитория.

Микуль не принял звериных начал в обществе и стране.

Общественный деятель Югры и замечательный писатель земли хантыйской Еремей Айпин, вспоминая качества личности Микуля Шульгина, отмечал прежде всего щедрость и отзывчивость: «Его щедрость проявлялась во всем, к чему он имел отношение: и в творчестве, и в широте души, и в помощи и поддержке начинающих литераторов».

В начале 1990-х годов поэт переехал в посёлок Горки Шурышкарского района. Стал трудиться на звероферме. До самой своей смерти 22 июня 2007 года Микуль Шульгин старался сохранять в душе образ творца непреходящих ценностей.

Не только в Югре и на Ямале живет память о поэте. И хотя с каждым годом все меньше остается людей, знавших его лично, ряды поклонников творчества пополняются читателями. Его поэтический язык по-прежнему «острей, чем охотничий нож, ярче костра на снегу».

Творчество Шульгина остаётся актуальным и сегодня, как и то, что поэт воспевал – красоту и могущество северного края. Все в его поэтическом мире живет и дышит, и за всем этим – кропотливая работа над словом.